

Стажировка в Гарвардском университете

Беседа доцента кафедры теории и технологии социальной работы СПбГУ **Вадима Семенкова** с кандидатом социологических наук, доктором антропологии (Ph.D.), научным сотрудником Европейского

университета в Санкт-Петербурге, директором Центра Арктических и Сибирских Исследований Социологического Института РАН **Вероникой Симоновой**

— **Поводом для нашего разговора является Ваша командировка в Гарвард. В связи с этим — первый вопрос: В каком статусе Вы побывали в Гарвардском университете, и в каких структурах университета Вы прошли стажировку?**

— Я прошла одномесячную стажировку в Дэвис Центре российско-азиатских исследований (Davis Center for Russian and Eurasian Studies) как «приглашенный исследователь» от направления «Североведение», Европейский университет. Очень благодарна, что моя командировка состоялась благодаря финансовой поддержке Европейского университета в Санкт-Петербурге.

— **Какими «российско-азиатскими исследованиями» занимаются в этом Центре?**

— В целом это исследования социально-политических трансформаций на постсоветском пространстве. Это междисциплинарный Центр.

— **А какие темы, сюжеты, проблемы там «в ходу»?**

— В основном обсуждается политическая ситуация, российско-американские отношения, украинский вопрос. Приглашаются специалисты из самых разных областей, не только академики, но также политики, экономисты, журналисты, художники. Их взгляд очень важен для общей дискуссии. Такая тактика, на мой взгляд, очень полезна.

— **Каково Ваше общее впечатление от Гарварда? Что Вас приятно удивило и что для Вас оказалось полной неожиданностью?**

— Если говорить совсем в общем, то, наверное, сама атмосфера университета. Было такое чувство, что идеи и мысли буквально витают в воздухе и можно их ловить как бабочек сачком. Причем, куда бы ты ни целился, все равно поймает сразу несколько штук, а вот дальше уже думаешь, что с ними делать? Нужны ли они вам для коллекции, какое место они достойны и должны занимать в пространстве вашей интеллектуальной жизни и научного поиска, или же это были лишь случайно схваченные существа, которые красивы своей мимолетностью, и ими можно просто полюбоваться и отпустить? Меня поразило богатство университета, изобилие интеллектуальных ресурсов, практически неограниченный доступ к ним. Метафорически, я бы сравнила Гарвард со шведским столом: разные блюда лежат в распоряжении, однако дело вкуса сформировать собственное меню, а выбирать нужно уметь, и это настоящее искусство и навык, которому тоже нужно учиться. Ключ от всех дверей («whatever you click opens» что ни нажми все открывается) — так я часто отвечала своим коллегам, которые просили меня в двух словах охарактеризовать Гарвард) — вещь прекрасная, только какие двери вы захотите открыть? От этого решения зависит вся дальнейшая работа и результат. Каждый день проходит масса семинаров и лекций, библиотеки дают возможность прочитать все что угодно, все базы открыты. Любой ученый, с которым бы вы хотели бы поговорить, с радостью встретится с вами. Все не успеть, времени немного. Я старалась создать для себя некоторую систему, и успеть все, но акцент все же сделала на библиотеке. Слишком большой оказался соблазн.

— **Вы сказали, что Вас поразило богатство Гарвардского университета. В чем оно выражается? И сразу второй вопрос: Каков режим работы библиотек в Гарварде?**

— Под богатством я имею в виду доступ к различным интеллектуальным ресурсам, интенсивность, насыщенность самой среды. Все, что нужно для работы в прямом и быстром доступе. Библиотеки работали, как я помню, до полуночи. По крайней мере, Уайднер Лайбрэри, в которой я работала, была открыта до этого време-

ни. Я часто уезжала на предпоследнем автобусе. Было очень удобно. Если работаешь допоздна и хочется спать, то можно устроиться на большом кресле в комнате рядом с читальным залом и немного вздремнуть и потом снова продолжить работу. Этот комфорт я тоже бы отнесла к «богатству» интеллектуальной среды.

— **Обучение в Гарварде только платное или там есть бюджетные места?**

— Нет, обучение все платное, и нужно находить спонсорскую поддержку, чтобы там учиться. Со стажировками проще — главное найти деньги на проживание, а посещение всех мероприятий и библиотеки — бесплатное.

— **Как бы Вы охарактеризовали состояние дисциплины «культурная антропология» в Гарварде в сравнении с состоянием этой дисциплины в наших университетах (СПбГУ, Европейский университет)?**

— Это сложный вопрос. Я стажировалась в междисциплинарном Центре, однако сходила на семинар профессора Ганти из университета Нью Йорк. Тема звучала так: «Думая по-английски, разговаривая на хинди: политика языка в «Болливуде» (Thinking in English, Speaking in Hindi: The Politics of Language in 'Bollywood' a talk by Tejaswini Ganti) и успела познакомиться с некоторыми учеными кафедры Антропологии (Department of Anthropology). Сложно говорить о «состоянии», поскольку на кафедре работают в прямом смысле слова классики этой дисциплины, например, профессора Джин и Джон Комарофф, а также постоянно выступают приглашенные классики из других университетов. На кафедре также работает известная исследовательница Анна Бернштайн, чьи работы и фильмы посвящены религиозной политике и ритуалам у бурят. В этом смысле создается ощущение звездности — есть возможность послушать и увидеть ученых, работы которых вы читали как ключевые в антропологии, которые также известны в соседних дисциплинах.

— **Какой резон американским антропологам изучать ритуалы бурят?**

— Такой же, как изучать все что угодно и кому угодно. Здесь мы возвращаемся к вечному вопросу о прагматике научного исследования и его связи с политической идеологией или же иными интересами. На такой вопрос можно ответить двояко: никакого резона кроме чисто научного любопытства; резон изучать, чтобы облегчать взаимодействие между ученым, обществом, которому он или же она принадлежит, и обществом, культурой, которую ученый изучает. Первый вариант ответа свободен от идеологии, второй — безусловно, с ней связан.

— **Вы встречали в Гарварде наших соотечественников-ученых: бывших или настоящих?**

— Да, разумеется. В основном они также проходят стажировку или же работают под аффилиацией университета. Помимо отечественных исследователей, в Центре также работают ученые из постсоветского пространства.

— **Что такое работать под аффилиацией университета?**

— Аффилиация — это в настоящее время очень распространенная практика. Я бы назвала это практикой «фантомных рабочих мест». Например, если научно-исследовательский институт не имеет возможности трудоустроить ученого, но последний обладает рядом достижений, которые этот институт признает, то ученый может получить «аффилиацию». Иными словами, он или она будет прикреплен к институту, но не получать заработную плату. Такая форма сотрудничества, в самом деле, выгодна обеим сторонам. «Фантомы» не так уж бесцелесны. Ученый получает возможность осуществлять научно-исследовательскую работу, подавать заявки на проектные рабо-

ты идентифицируя себя с соответствующим учреждением, упоминая, при этом, название этого учреждения в своих работах, что, в настоящее время, крайне важно для любого научно-исследовательского института или же университета. На время стажировки, ученые также могут пользоваться аффилиацией Гарвардского университета, получать рассылки о событиях, пользоваться университетской электронной почтой.

— Насколько реально нашему ученому-антропологу опубликоваться в американских антропологических изданиях?

— Реально, конечно. Процедура рецензирования и приема статьи в печать везде стандартная, и здесь не будет особой разницы между, скажем, норвежскими и американскими журналами. Самое главное — это выполнить системные требования к публикации и получить одобрение независимых экспертов.

— О каких системных требованиях идет речь?

— Это обычные требования к статьям такого уровня: оригинальный эмпирический материал, четко выверенный фокус, проработанная тематическая научная литература, и ясно выведенный аргумент в диалоге со всем перечисленным.

— Вы встречали в гарвардских изданиях публикации наших ученых?

— К сожалению, в той тематике, в которой я работала, мне не встречались имена российских исследователей. Однако мне встречались книги, написанные журналистами.

— Эти книги были на английском или на русском языке? Кто именно Вам попался?

— На английском языке, разумеется. Сейчас я, к сожалению, не вспомню имена.

— Уровень наших журналов по антропологии и этнографии сопоставим с их уровнем?

— Требования к статьям в российских журналах по сути те же. В чем может быть преимущество работ зарубежных авторов (не обобщенно всех, разумеется)? На мой взгляд, это, в первую очередь, открытый доступ к ресурсам, возвращаясь к разговору о «ключе от всех дверей». Далее, это традиция передачи знаний о том, как работать с этими ресурсами, как быть избирательным, а также как уметь отказаться от оригинального материала, чтобы сохранить общую линию рассуждений, отказаться, чтобы сохранить логику аргументации. Знаете, на одну мою статью, опубликованную в журнале «Polar record», один из рецензентов написал, что да, в одной части статьи материал очень интересный, и это новая этнография, однако она не совсем работает на поддержку того аргумента, который я раскрывала в том тексте. Значит — удалить. Подобная «хирургия», по опыту работы и личного общения, воспринимается нелегко российскими коллегами.

— Почему нелегко? Разве это не логично — удалять материал, который не работает на исходный тезис?

— Разумеется, логично, но болезненно удалять то, что изначально очень нравилось как этнография. В процессе работы с материалом, этнография уже становится частью исследователя, вернее человека, который пишет научный текст. Удаляя лишнее ради чистоты аргумента — вещь необходимая, но ужасно рациональная. Когда работаешь над текстом, то не всегда очевидно, что работаешь над лишним куском, это очевидно (иногда спорно очевидно) рецензентам. Удаляя этнографию — удаляешь еще и переживания, связанные со сбором этого материала, с процессом его обдумывания и также удаляешь решение и свой взгляд на то, почему этот материал оказался в этой статье. Ученые любят свое поле и свои тексты и даже свои ошибки и поэтому процесс работы над текстом — это еще и эмоциональный проект. Это мое субъективное наблюдение, но часто реакцией на комментарии рецензента: «удалить», а не «переработать» вызывает некоторую грусть.

— Если бы состоялся научный разговор между антропологами или этнографами СПбГУ и антропологами Гарварда это был бы:

А) разговор между учениками и учителями

Б) разговор на разных научных языках

В) разговор на принципиально разных темах?

— Может быть все что угодно, зависит от того, кто с кем и

на какую тему и по какому поводу разговаривает. Понимать или же не понимать друг друга, можно и находясь в рамках одного университета или же научной школы. Высокий рейтинг Гарварда, разумеется, будет откладывать отпечаток на идентичность ученого, а также на его самоощущение исходя из принадлежности к одному из ведущих университетов мира и это, по моему, процесс нормальный. Однако насколько это отразится на диалоге в целом судить трудно. По личному опыту я не помню, чтобы со мной разговаривали как с «ученицей» или же я принципиально кого-то не понимала или же кого-то чему-то учила или же не понимали меня. Здесь важен фокус, повод по которому ученые разговаривают и к чему хотят прийти. Возвращаясь к первоначальной метафоре, такой диалог напоминал бы скорее поиск решения о том, что делать с бабочками, которыми обе стороны располагают.

— Атмосфера на наших научных семинарах и форумах такая же, как атмосфера «научных посиделок» в Гарварде?

— И да, и нет. Да, потому что структура ведения семинаров, в принципе, одна и та же. Есть разные формы, они присутствуют и в российских университетах и научно-исследовательских институтах. Разница, пожалуй, состоит в некоторой торжественности события. Докладчика представляют довольно долго, если это индивидуальный семинар. После семинара и вопросов — обязательная неформальная часть. Также мне показалось, что ценность дискуссии оформляется несколько иным образом. Часто тексты докладчиков конференции рассылаются заранее, чтобы все присутствующие ознакомились с темой до мероприятия. Более того, для каждого выступающего или же группы выступающих назначаются дискуссанты, которые являются специалистами в области докладчика и получается очень насыщенный разговор. В России подобную модель можно встретить на защитах диссертаций, например. Тем не менее, это далеко не частая форма ведения дискуссии на конференциях или же семинарах.

— Вам как англоязычному антропологу удалось слышать знаменитый гарвардский прононс или ничего особенного в их манере разговора нет?

— Очень много разных людей с разными акцентами. Но да, некоторые профессора говорили таким красивым «каноническим» акцентом, напомнило Кембридж.

— Наша российская антропология и этнография интеллектуально самостоятельны?

— Это очень сложный вопрос, я бы сказала, что это тема отдельного разговора. Антропология как научная дисциплина была сформирована на Западе, и ее история связана с историей колонизации. Российская антропология, так же как и зарубежная, очень многообразна и, в этом случае, возникает вопрос, а что мы считаем, можем, и должны считать российской антропологией? Ученых, которые работают в российских институтах? Ученых, которые являются гражданами России, или идентифицируют себя с Россией, но работают за рубежом? Ученых, которые работают в рамках определенных дисциплинарных традиций? Здесь я теряюсь в возможностях определить «российскую антропологию». Далее, о самостоятельности. Можем ли мы сказать, что любая «национальная» антропология может считаться самостоятельной? Является ли французская или норвежская антропология самостоятельной? На мой взгляд, стоит говорить о влиятельности определенных научных школ. Самостоятельными могут быть ученые, развивающие определенные теории и идеи, исходя из многообразного опыта работы, ученые, которые сделали свой выбор, сформировали свой интерес. Это, конечно же, не значит, что их выбор и интерес не могут не меняться, однако я имею в виду определенное решение. Дисциплина же самостоятельной быть не может, поскольку это качество предполагает замкнутость, на мой взгляд. Более того, в настоящее время междисциплинарные исследования рассматриваются как ценность, и, зачастую — требование. В этом вопросе нужно подумать над критериями оценки «самостоятельности» дисциплины, в первую очередь.

— Спасибо за интервью!